

Пасютина Ю. Н.,

УО “Витебский государственный университет им. П. М. Машиерова”, г. Витебск

“ОБЕЗЛИЧЕННЫЙ ГЕРОЙ”: СОЦИОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ТИП РОМАННОГО ГЕРОЯ (М. А. ШОЛОХОВ “ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА”)

Статья посвящена анализу “обезличенных героев” романа М. А. Шолохова “Поднятая целина”: Макара Нагульнова, Семена Давыдова. Автор относит их к социоцентрическому типу романного героя, раскрывает сущность данного понятия.

Ключевые слова: *социоцентрический тип, герой, “обезличенность”, героизм, личность.*

The article deals with M. Sholokhov’s novel “The ploughed virgin land”, its heroes Makar Nagulnov and Semen Davydov. The author states that they are social-centered characters without individuality and tries to explain her position.

Key words: *social-centered type, a hero, a character without individuality, heroism, personality.*

В русской литературе XX века М. А. Шолохову – лауреату Нобелевской премии (1965), по праву принадлежит самое почетное место. Велика заслуга писателя в той смелости, которая присуща его произведениям, так как он никогда не избегал свойственных жизни противоречий, а раскрывал их во всей полноте прошлого и настоящего. Верно полагает В. В. Гура, что “рассказы, повести, романы Шолохова – это, собственно, единая Книга о судьбах народа...” [1, с. 8]. Думается, что одним из важнейших “разделов” этой “Книги” является роман “Поднятая целина”, в котором автор правдиво отразил трагические события тех лет.

Следует уточнить, что М. Шолохов начал писать “Поднятую целину” в 1930 году “по горячим следам, когда еще были свежи воспоминания о том, что произошло в деревне и коренным образом перевернуло ее: ликвидация кулачества как класса, сплошная коллективизация, массовое движение крестьянства в колхозы” [2, т. 8, с. 49]. Первая книга романа была опубликована в 1932 году, а вторая – в 1960 году. Роман “Поднятая целина” привлек к себе пристальное внимание критиков, особый интерес вызвали фигуры Давыдова, Нагульнова, Разметнова.

В своей работе мы попытаемся определить тип романного героя данных персонажей. Исходя из того, что литература развивается в трех парадигмах (связывают которые два полюса): социо-, индивидо- и персоноцентрической – в зависимости от того, что становится предметом изображения: индивид или личность, нам представляется возможным выделить социоцентрический, индивидоцентрический и персоноцентрический типы романных героев.

Герои социоцентрического типа, а именно такими являются Семен Давыдов, Макар Нагульнов, Андрей Разметнов, видят смысл жизни в служении Долгу, и в этом их личное достоинство, которое возвышает их и в собственных глазах, и в глазах общественного мнения. Следует отметить, что само слово “герой” носит социоцентрический характер, становится своего рода термином, под которым понимается персонаж героической ориентации.

Уточним, что существуют различные интерпретации категории героики. Например, в “Эстетике” Гегеля мы находим узкое понимание возможностей героического в человеческой истории, так как исследователь полагает, что героическая деятельность была свойственна лишь людям, жившим в “веке героев”, то есть на тех ранних стадиях развития общества, когда государственная система еще не сложилась и не ограничивала свободу личности [3].

Г. Н. Пospelов подчеркивает, что героика, а следовательно, и герой возникают тогда, когда “то или иное великое общенациональное дело и те огромные усилия, которые необходимы для его осуществления, становятся сущностью характера личности” [3, с. 197].

В. Е. Хализев указывает на значимость героики иного рода: “одухотворенной сверхличной целью, альтруистической, жертвенной, знаменующей служение в самом высоком смысле слова” [4, с. 69].

Вспомним героев романа М. Шолохова “Поднятая целина” Давыдова, Нагульнова, Разметнова, которые ставят общественное счастье выше личного, они свято верят в истинность идеалов и ценностей, навязанных руководством страны. М. Шолохов с присущей ему правдивостью раскрывает характеры главных персонажей: они показаны в противоречивом единстве своих сторон.

Так, Нагульнов, отец которого был зажиточным казаком, отказался от собственности, потому что против нее он “зараженный”. Герой переживает за дело партии, утверждает, что “в землю надо зарыться, а всех завлечь в колхоз”, так как “все ближе к мировой революции” [5, с. 26]. Ради процветания идей социализма Нагульнов не жалеет никого и ничего, что подтверждают его слова, сказанные Андрею Разметнову в ответ на отказ “воевать с детишками”: “Гад! Как служишь революции? Жа-ле-е-ешь? Да я... тысячи станови зараз дедов, детишек, баб... Да скажи мне, что надо их в распыл... Для революции надо... Я их из пулемета... всех порежу!” [5, с. 47]. А когда люди начали резать скот, чтобы его не “обобществили”, герой предложил “вынести собранием ходатайство, чтобы зlostных резаков расстрелять”, иначе новую жизнь не построить [5, с. 89].

Макар хорошо знает жизнь деревни, он очень проницателен в понимании истинных побуждений действий своих односельчан, в частности, герой не доверяет словам и показным поступкам Островнова, сердцем

чувствует, что это враг народа, Советской власти, называет его “диким гусакон середь свойских” [5, с. 56]. Однако стремясь помочь “общему” делу, партии, народу, Нагульнов совершает ряд необдуманных поступков. Так, во время сбора “семфонда” он превышает свои полномочия: угрожает Баннику, который предпочел бы высыпать хлеб свиньям, чем отдать “чужедам”. Макар обещает его застрелить “как вредного гада”, а потом пойти в тюрьму хоть на десять лет, но над Советской властью “надругиваться” не позволит [5, с. 138]. Неудивительно, что болевший душой за революцию Нагульнов воспринял статью Сталина “Головокружение от успехов” как личную трагедию. Ведь теперь получалось, что он был помощником врагов, стремящихся развенчать идеи колхозного движения. И все из-за чего? Из-за того, что он, Макар Нагульнов, “поспешал” к мировой революции, хотел быть ближе к расправе над “капитализмом”. Попала Макару эта статья прямо в сердце “наскрозь, навывлет”, оставалось лишь лежать в грязи “ниц лицом, столченным, сбитым с ног долой” [5, с. 165]. Настоящим ударом для него стало исключение из партии: “Куда же я без партии? И зачем? Нет, партбилет я не отдам! Я всю жизнь свою вложил... всю жизнь... прикажи ребятам... Меня тогда на распыл надо... Мне жизнь тогда без надобностей, исключите и из нее...” [5, с. 199]. Исключение из партии равнозначно для Макара Нагульнова смерти, так как жизни без нее нет, не может быть. Возвращаясь с заседания бюро райкома и не доехав до Гремячего Лога, Макар пускает коня пастись, а сам лежит у подножия могильного кургана и “равнодушно, словно о ком-то постороннем”, думает о себе: “Приеду домой, попрощаюсь с Андреем и Давыдовым, надену шинель, в какой пришел с польского фронта, и застрелюсь. Больше нету мне в жизни привязы” [5, с. 217]. Однако преданность “общему” делу настолько сильна в Нагульнове, что он решает даже “беспартийным сражаться с гадами”, с теми, кто против строительства светлого будущего. И это еще раз подтверждает, что только героической личности дано, пройдя через трагедию несправедливого отлучения от своей партии, сохранить веру в справедливость ее идеалов.

Макар Нагульнов в романе М. Шолохова – характер трагический. Он смел, мужественен, решителен, но излишняя верность социализму оставляет его одиноким: не сложилось его личное счастье. Он весь настолько “заостренный” на мировую революцию, что баба для него – “тьфу, и больше ничего” [5, с. 88]. В разговоре с Андреем Разметновым Макар и вовсе заявляет, что молодым “вьюношам” по декрету сделал бы запрет жениться, так как из женатого мужика революционера не получится, а если еще и детишки пойдут, то такой человек для партии “погибший”. Думается, не случайно Андрей Разметнов не без страха подумал: “Хорошо, что брухливой корове бог рог не дает, а то если бы Макару дать

власть, что бы он мог наделать? Он бы своей ухваткой всю жизнь кверху тормашками поставил!” [5, с. 190].

Хотя ничто человеческое Макару Нагульнову не чуждо: до самого последнего момента хранил он в кармане платочек Лушки... Но любовь к социализму оказалась сильнее.

В характере путиловского рабочего Семена Давыдова – своя противоречивость. Он не уступает Нагульнову в преданности общему делу:

“...если понадобится, я за партию... я за свою партию, за дело рабочих всю кровь отдам! Всю, до последней капли!” [5, с. 53]. Он также выступает за выселение кулацких семей, которые мешают развитию нового общества: “Подумаешь! Для того и выселяем, чтобы не мешали нам строить жизнь без таких вот... чтобы в будущем не повторилось...”, но отличается от Нагульнова трезвой рассудительностью и выдержкой, прибегая в трудные минуты не к оружию, а к разъяснениям, часто возмущенным и резким [5, с. 47]. Так, Давыдов объясняет Нагульнову, что силой ничего добиться нельзя, иначе попадешь в крайность, лучше “на два года посадить, лишить земли, выселить из края”, но никак не “ходатайствовать о расстреле” [5, с. 89]. Прочитав статью Сталина, Семен объявил, что она Макару “не в бровь, а в глаз колет”, а выслушав размышления Нагульнова, обвинил его в “оппозиции” [5, с. 167].

Следует отметить, что Давыдов плохо разбирается в жизни деревни, во многом не понимает психологию казаков, наивно и поверхностно оценивает некоторых из них. Да и сам он думает о себе: “Не знаю я людей в колхозе, не знаю, чем они дышат... присмотреться к людям, узнать их поближе – времени не хватило. Какой же из меня руководитель? Узнали бы ребята в цеху, как ты руководишь колхозом, – драили бы они тебя до белых косточек!” [5, с. 320]. Неудивительно, что Шалый, кузнец, называет Давыдова не председателем, а просто “пришей-пристебаем”, так как Семен “ни хрена ничего не видит”, что в правлении делается, власть из рук выронил, подарил Островнову [5, с. 355].

Таким образом, Нагульнова и Давыдова можно отнести к героям социоцентрического типа, ведь они свято верили в истинность идей, спущенных “сверху”, не жалея ни себя, ни других, стремились построить “счастливое” будущее, в которое очень хотелось верить. А долг настоящего героя, гражданина своей страны – помочь своей родине. В итоге получилось так, как иносказательно предсказал “дядя с придурью” Аржанов Давыдову: “Вам с Макаром только воду возить, на лошадях во весь опор скакать, чтобы мыло с них во все стороны шмотьями летело, а тушить будем мы, колхозники, – кто с ведром, кто с багром, кто с топором... А распоряжаться на пожаре будет Разметнов, больше никому...” [5, с. 298].

Действительно, они скакали во весь опор, и упали, героически пожертвовав своей жизнью, которая фактически принадлежала вовсе не

им, а социуму, родине, нации и т. д. Это подтверждает завершение романа “Поднятая целина”: Давыдов и Нагульников погибли во имя будущего. С сожалением автор пишет об их смерти: “...Вот и отпели донские соловыи дорогим моему сердцу Давыдову и Нагульнову, отшептала им поспевающая пшеница, отзвенела по камням безымянная речка... Вот и все!” [5, с. 538].

Примечательно, что иногда героя считают образцовой, богатой, содержательной личностью. Это неверно по существу. А. Н. Андреев подчеркивает, что герой – почетная, приветствуемая обществом “обезличенность”, это “культ отношений”, в которых нет ничего личного [6, с. 82]. Герой черпает свою значимость только в социуме: без него он превращается в ноль. Для героя хорошо прожить – значит, раствориться в социуме без остатка, “обезличиться”. Отсутствие героя или даже его гибель – равным счетом ничего не меняют в мире, где главным является не герой, но то, что делает героя. Он выполнил свою миссию и ушел в другой мир, а его место займут другие. Если личность принципиально незаменима, то герой вполне заменим. Важно, что Макар Нагульников и Семен Давыдов сами это понимают. Например, Нагульников, размышляя о самоубийстве, считает, что от этого революция не пострадает: “Мало ли за ней народу идет? Одним больше, одним меньше...” [5, с. 217]. А Давыдов, поучая Макара, намекает, что “партию ты по-своему не свернешь, она не таким, как ты, рога обламывала и заставляла подчиняться” [5, с. 167].

Итак, Семен Давыдов и Макар Нагульников – “обезличенные” герои, привлекательные своим не ведающим сомнения фанатизмом, прекрасно соответствующим всем сверхзадачам идеологии. Поэтому лучший идеолог – это герой.

Литература:

1. Шолохов в школе / Под ред. В. В. Гуры, Т. Ф. Курдюмовой. – М.: Современник, 1986. – 215 с.
2. Шолохов М. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. Очерки; Статьи; Фельетоны; Выступления / М. А. Шолохов. – М.: Художественная литература, 1986. – 383 с.
3. Поспелов, Г. Н. Теория литературы: Учебник для университетов / Г. Н. Поспелов. – М.: Высш. школа, 1978. – 351 с.
4. Хализев В. Е. Теория литературы. Учеб. 2-е изд / В. Е. Хализев. – М.: Высш. школа, 2000. – 398 с.
5. Шолохов М. А. Поднятая целина: Роман в 2-х кн. / М. Шолохов. – Мн.: Нар. асвета, 1978. – 544 с.
6. Андреев А. Н. Теория литературы: личность, произведение, художественное творчество: Учеб. Пособие для студ. фил. спец. в 2-х частях. Часть 1 / А. Н. Андреев. – Мн., 2003. – 177 с.